

Рецензия на книгу: Shahar Sh.
Growing old in the Middle Ages:
«winter clothes us in shadow and
pain». Translated from the Hebrew by
Yael Lotan. L.; N. Y.: Routledge, 1997.

224

Книга «Старение в Средние века», вышедшая в 1995 г. на иврите, а вскоре и в переводе на английский (именно на него опирается данная рецензия), принадлежит перу известного историка Суламифь Шахар, родившейся в 1928 г. в Латвии (ее первым языком был русский), а затем переехавшей с семьей в Израиль. Шахар — специалист по долгому Средневековию, включающему в себя и Возрождение, и средневековые элементы более поздних периодов, а также переводчица средневековых текстов с латыни (она работала, например, с письмами Элоизы и Абеяра, а также с автобиографиями XII в.). В фокусе ее исследовательского внимания — социальные группы, интерес к которым стал проявляться только в последние десятилетия: женщины, дети, старики.

Пионерская работа в этой сфере «Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке» историка Филиппа Арьеса появляется лишь в 1960 г. Ее автор долгое время считался непрофессионалом и получил академическое признание лишь в конце жизни. С тех пор вышли работы медиевистов, посвященные детству [Классен, 2012], положению женщин [Земон Девис, 1999], в 2009 г. появился фундаментальный многотомник «История женщин на Западе» (том, посвященный Средним векам, показательно назван «Молчание Средних веков»). Суламифь Шахар также внесла весомый вклад в исследование этих непростых тем. Ее первый труд «Четвертое сословие: история женщин в Средние века» вышел в 1981 г., а в 1990 г. увидела свет работа «Детство и Средние века», считающаяся наиболее значительной по этой теме наряду с книгой Арьеса¹.

Konstantin Bandurovsky — PhD in Philisophy, associate professor (docent) of Russian Anthropological School, Russian State University for the Humanities. Scientific interests: medieval philosophy, anthropology. E-mail: albutius@gmail.com

1 В ней, в частности, содержится полемика с арьесовским тезисом, согласно которому в Средние века не существовало такой привязанности родителей к детям, какая характерна для более поздних времен.

Тема старости в Средневековье звучит в исследованиях гораздо реже, и можно сказать, работа Суламифь Шахар является наиболее фундаментальной в этой области¹.

Проблемное поле касается обширного перечня вопросов человеческой жизни и культуры. Это вопросы социологического плана, например, судьба стариков в различных социальных стратах, которым посвящены отдельные главы книги; гендерного — история женщин, «herstogy», которая менее документирована, чем история мужчин, а потому и более сложна для изучения, но привлекает особое внимание автора; культурологического — старость рассматривается как культурный феномен, как художественный образ, как символизируемое (например, зима) и символизирующее (например, бренность и тщета человеческой жизни, а то и сама смерть); медицинского, физиологического, гигиенического и диетологического; юридического (формальный статус стариков, правила наследования и т. д.); теологического (причины и значение старости в богословском контексте). Автор обращается к широкому спектру документов: к философским, дидактическим и теологическим трактатам, сочинениям по медицине и физиологии, сводам законов, историческим хроникам, художественной литературе, автобиографиям, письмам, визуальной информации (скульптуре, живописи) и другим источникам.

225

Чтобы синтезировать столь разноплановую информацию, требуется использовать междисциплинарный подход, включающий инструментарий не только гуманитарных, но и естественных наук вроде этологии. Например, автор апеллирует к наблюдениям о положении старых бабуинов в трудах Конрада Лоренца, причем привлечение такого материала оправдывается тем, что в эпоху Средневековья рассуждения, опирающиеся на параллели с животным миром, реальным или фантастическим, считались эвристичными и были широко распространены [Shahar, 1997, p. 118]. Активно используется сопоставление представлений о старости и практик, связанных со старостью, в Средние века и в настоящее время, а также в другие эпохи (например, автор может сопоставлять образ старика в средневековой литературе и в творчестве Маяковского). Она зачастую заимствует идеи и подходы С. Зонтаг, М. Фуко, К. Леви-Стросса и других современных философов и антропологов, которые не занимались Средними веками специально. Получается довольно риско-

1 Среди предшественников Шахар вновь можно также назвать Арьеса, затрагивающего тему старости в другом своем известном труде «Человек перед лицом смерти».

ванное предприятие, но увлекательное и оправданное сложностью и многогранностью самого объекта исследования.

Помимо названия «Старение в Средние века» книга имеет меланхолический подзаголовок «Зима покрое нас печалью и болью» — строка, взятая из книги Леона Баттиста Альберти (1404-1472) «О семье». Этой меланхолией овеян весь текст книги, включая статистические выкладки. В наше время развиваются институты медицинской и социальной заботы о стариках, существует культ здоровой старости, а культура (в том числе и реклама) насыщена образами радушных старушек, предлагающих крынку молока, или стариков, коротающих дни за рыбной ловлей (образы, которые сложно найти в средневековой иконографии). Однако слова Альберти заставляют и наше сердце сжиматься: за бодрой картинкой просматриваются не столь уж оптимистичные реалии. В Средние века люди смотрели на старость гораздо более трезво и жестко, не вынося за кулисы общественной жизни (воспользуемся метафорой Норберта Элиаса) то, на что сегодня предпочитают не смотреть. К тому же сама старость без развитой гигиены и медицины имела поистине отталкивающий вид. Если печаль приведенных строк относится к душевным переживаниям, то боль, которую приносила «зима», была вполне физической. В литературе Средних веков старики изображались безжалостно, со всеми уродствами и изъянами. Шахар проводит параллель с языковой практикой индейцев намбиквара, описанной Леви-Строссом. На их языке существует только одно слово для обозначения старого и уродливого, равным образом, как и молодого и красивого [Shahar, 1997, p. 51]. Также Бог чаще изображался в виде Христа-младенца или зрелого мужчины, чем в виде могущественного сурово вззирающего старца, а Дева Мария всегда юна и прекрасна, даже в то время, когда она оплакивает Христа. Эсташ Дешан (1346-1406) в балладе «Сожаления старика», имеющей автобиографические мотивы, так описывал пожилого человека: «Я согбен, сторблен, шатаюсь, мои волосы побелели, мои зубы стали длинными, слабыми, острыми и пожелтевшими. Мой член стал мягким хвостиком, способным лишь мочиться». Он же приводит и психологический профиль старика: «он нетерпелив, скупой, вспыльчивый, ворчливый, утомленный и утомляющий, враждебен ко всему новому, к смеху и удовольствиям» [Ibid, p. 50]. Столь уничижительное отношение объясняется распространенным в то время воззрением, что внешнее и внутреннее согласуются, и отвратительная внешность не только стариков, но так же прокаженных или евреев выражает их внутреннюю порочность.

Другое различие в отношении к старости в Средние века и в европейской современности заключается в том, что отсутствовали институты, которые четко маркировали бы наступление старости,

вроде выхода на пенсию, события, представляющего для нас важный психологический рубеж и зачастую сопровождающегося определенными торжественными обрядами. Также почти полностью отсутствовали (не считая локальных практик заботы, осуществляемых в монастырях или гильдиях по отношению к своим престарелым членам) гарантии, экономические, медицинские и социальные, что заставляло старых людей работать, несмотря на ухудшение здоровья. В Средние века люди входили в пределы старости постепенно, утрачивая определенные социальные позиции в соответствии с утратой определенных способностей, например, в результате ухудшения зрения или уменьшения физической силы. Старикам, принадлежащим к различным стратам, приходилось заниматься общественно полезной деятельностью до тех пор, пока у них были возможности, хотя сохранение этих возможностей варьируется в зависимости от конкретной страты — быть воином в старости гораздо трудней, чем быть мастером или теологом. Для воинской службы порой устанавливались определенные пределы (60 или 70 лет), хотя, конечно, если человек был способен и имел желание нести эту службу, он мог продолжать ее. Также в качестве рубежа указывалась цифра в 50 лет, но, скорее, это отсылка к ветхозаветной традиции, чем к реальной практике¹.

227

Однако многие известные деятели Средневековья сохраняли активность в глубокой старости и до самой смерти, как философ Альберт Великий (ок. 1200–1280), работавший вплоть до своей кончины в 80 лет. Или Хильдегарда Бингенская (1098–1179), настоятельница монастыря, занимавшаяся написанием мистических трудов, поэтических текстов для песнопений, сочинением музыки, медицинской, признанная в 2012 г. Учителем Церкви Папой Бенедиктом XVI. Правители и военачальники также порой сохраняли активность в старости. Фридрих Барбаросса (1122–1190) отправился в Третий крестовый поход в возрасте 67 лет и погиб при переправе реки Селиф (Каликадн) в тяжелых доспехах. Элеонора Аквитанская (1124–1204), «бабушка всей Европы», принимала активное участие в политической жизни, в частности, в правлении своих сыновей Ричарда Львиное Сердце и Иоанна Безземельного, и пережила 8 из 10 своих детей.

Интересная особенность понимания старости в Средние века ввиду теоцентричности эпохи заключается в том, что старение рассматривается не только в физиологическом или юридическом

1 Например, в Чис. 8:25–26 даются следующие указания: «а в пятьдесят лет должны прекращать отправление работ и более не работать: тогда пусть помогают они братьям своим содержать стражу при скинии собрания, работать же — пусть не работают; так поступай с левитами касательно служения их».

контекстах, но и в теологическом, в рамках представления о сотворении мира, грехопадении и воскресении. Первый человек, естественно, был сотворен молодым и здоровым, но откуда в таком случае взялась старость? Она рассматривается как результат грехопадения и изгнания из рая, однако по поводу конкретной причины самого процесса старения существовали расхождения. Оно рассматривалось и как прямое наказание, и как побочный результат изменения климата и состава воздуха, приводящий к болезням и ослаблению организма. Однако старость трактовалась амбивалентно, не только как отпадение от Бога, но и как путь, по которому мы приближаемся к Нему. Согласно Бернару Клервосскому, старое тело делает нас близкими к Богу и из-за близости смерти, и из-за переживания страданий и боли, и благодаря отсутствию плотского желания [Ibid, p. 54].

228

Петрарка в трактате «О средствах против превратностей судьбы» считает преимуществом старости то, что старик уже не может предаваться множеству грехов. Без зубов он будет меньше смеяться, болтать, злословить, лгать и есть, плохое зрение предостережет его от чревоугодия, жадности и похоти, а плохой слух позволит меньше прислушиваться к болтовне о ничтожных вещах и дать время для размышления о сотворенном Богом небесах и Земле. Старость и смерть также могли казаться благом по мальтузианским основаниям. Воображение многих авторов поражал вопрос, как могла бы Земля прокормить людей, если бы они жили очень долго или вообще не умирали (например, об этом рассуждает Петрарка в упомянутом трактате). Еще один необычный для нас вопрос, который вызывал бурные дискуссии. Каким будет тело человека после воскрешения, если он умрет в старости, таким, как при смерти, или будет восстановлено зрелое или юношеское тело?

Определенную трудность для современного исследователя составляет и различие в понимании того, какие возрастные и физиологические границы старости предлагались в Средние века. Периодизация возрастов была довольно разнообразной, равно как и понимание того, когда начинается старость. Нас могут удивить классификации, в которых началом старости указывается, например, возраст в 35 лет. Столь низкую планку можно объяснить тем, что на протяжении всего Средневековья средняя продолжительность жизни была весьма невысока. Так, для родившихся в 1300 г. ожидаемая продолжительность жизни составляла около 40 лет, в 1375 г. — 18, в 1400–20, а в 1427-м — 28 лет (для сравнения: в настоящее время ожидаемая продолжительность в Японии 78 лет, в Исландии, Гонконге и Швеции — 77) [Ibid, p. 32]. Конечно, такая статистика во многом определялась высокой детской смертностью, и для тех, кому удалось выжить в детстве, возможность дожить до старости резко увеличивалась. Поэтому иногда процент старых людей был

довольно высок, например, во Флоренции в 1427 г. численность людей старше 60 достигала 14,6%, в Равенне — 15,9%. Сложность заключается и в том, что в Средние века не было обыкновения указывать точную дату рождения, и даже для относительно известных людей разброс в датах может достигать десяти лет. Поэтому и возраст часто указывается приблизительно, например, человеку идет шестой или седьмой десяток.

В средневековых источниках встречаются различные возрастные классификации. Жизнь обычно делилась на три, четыре или шесть стадий, иногда на семь или двенадцать. Так, французский медик Бернар из Гурдона в трактате «О сохранении человеческой жизни» (1308) выделял три стадии: *aetas pueritiae*, дети до 14 лет, *aetas iuventutis*, возраст молодости от 14 до 35 лет и сразу возраст старости *aetas senectutis*, от 35. В написанном в то же время «Пире» (1304–1307) Данте выделяется четыре периода (0–25, 25–45, 45–70 и более 70), причем два последних называются итальянскими словами, связанными со старостью, *senetute* и *senio*. Альдебрандино из Сиены («Об уходе за телом», XIII в.) также использует для обозначения двух последних стадий схожие слова: *senectus* (40–60) и *senium* (после 60). Основанием таких делений зачастую выступал не только анализ состояния и способностей тела, но и привязка ко внешним символическим системам, таким, как времена года, планеты (7 стадий) или месяцы (12 стадий), при этом искали аналогии между характеристикой планеты, месяца и возрастным периодом.

229

Старость также определялась в отношении конкретных функций, например, с точки зрения поэта Жана Фруассара (ок. 1333 — ок. 1405, автора поэмы «*Le Joli Vuisson de Jonese*», «Прекрасный куст юности»), выделявшего семь возрастных стадий, человек после 35 лет слишком стар для любви, хотя подлинная старость начинается в 58 лет, а Андреас Капелланус (2-я половина XIII в.), автор самого знаменитого средневекового трактата о любви «Наставление о честной любви», позволял влюбляться мужчинам до 60 лет, а женщинам до 50.

С другой стороны, был важен и субъективный момент осознания себя стариком. Шахар приводит остроумные слова Моисея Маймонида, еврейского философа и врача (ок. 1138–1204): «Кто является старой женщиной? Та, которая не возражает, когда ее так называют» [Shahar, 1997, p. 13].

Хотя большая часть текстов трактует старость извне с точки зрения медиков, юристов, ученых, вместе с тем она становилась предметом описания и медитации самих стареющих людей. Примером этому могут служить «Четыре эссе о спокойной жизни» Алвиса Корнаро, написанные в XVI в. Первое эссе написано в 83 года, второе — в 86 лет, третье — в 91 и четвертое — в 95 лет, за три года до смерти. В них он описывает свою жизнь и в повседневных за-

нятиях, и в эстетических и духовных наслаждениях, доступных старости. Также большое внимание он уделяет описанию режима, практике трезвости и умеренности, которые, по его мнению, способствуют продлению жизни и возможности получать от нее удовольствие. Средневековые авторы описывают порой очень сложные психологические феномены: отчуждение старика от своего тела или неузнавание себя в зеркале. Как, например, Петрарка в работе «О средствах против превратностей судьбы» или поэт из Южного Тироля Освальд фон Волькенштейн (1377–1445) в поэме «Я вижу и слышу».

В Средние века также поднимался вопрос и о том, как предотвратить старение или обрести долгую и продуктивную старость. Философ Роджер Бэкон (1214–1292) предлагал средства, при помощи которых можно было продлить жизнь до 100 лет. Источником старения он считал грехопадение, после которого атмосфера стала загрязненной, а люди слишком глупы, чтобы вести здоровый образ жизни. Болезненность, с его точки зрения, передается по наследству, и, таким образом, каждое поколение становится слабее предыдущего. Бэкон черпал свои методы как из древних, античных и арабских трактатов, так и из наблюдения за больными животными, инстинктивно находящими нужные целебные травы и минералы. В число снадобий входили такие средства, как раствор золота или дыхание здоровой девушки. Различные средства предлагал испанский врач Арнольд из Виллановы (ок. 1235–1311), автор «Салернского кодекса здоровья», включая средства для сохранения потенции. Интересом к продлению молодости и обретению долголетия пользовались многочисленные шарлатаны, торгующие разнообразными эликсирами.

Шахар постоянно обращается к положению престарелых женщин, подчеркивая, что в Средние века практиковался «двойной стандарт старения» (выражение С. Зонтаг): если положение стариков было незавидным, то женщины подвергались еще большим унижениям. Это проявлялось как в народных воззрениях, так и в художественных и даже «научных» текстах. Старухи часто выступали как персонификации зимы, смерти, порока. Например, в провинции Руссильон существовала традиция сжигать на Пасху два чучела, изображающие уродливых старух — Зиму и Смерть. Над воротами монастыря в городе Муассак скульптура, символизирующая похоть, изображает старуху, которую наказывают за ее сексуальные прегрешения. В ее увядшие груди впились две змеи, а в гениталии — жаба. В аллегорической поэме Гийома Дегильвилля (ок. 1295–1360) «Странствие жизни человеческой» молодые, красивые и хорошо одетые женщины олицетворяют добродетели (благотворительность, милосердие, мудрость, умеренность, трудолюбие и божья благодать),

а уродливые старухи — чревоугодие, похоть, лень, лицемерие, зависть, ересь, невзгоды, болезни, старость и смерть. Лень, например, предстает как уродливая, грязная, волосатая и дурно пахнущая старуха, Гордыня — ожиревшая женщина, не способная самостоятельно перемещаться, она едет на плечах у Лести, Зависть ползет на животе, как змея.

В медицинских трактатах тема женского старения мало отражена, хотя существует немало средневековых текстов, посвященных гинекологии или беременности. Исключением является тема прекращения менструаций, из-за чего, как полагали, женщина в старости становится полной яда. Такое мнение можно обнаружить в приписываемой Альберту Великому книге «О выделениях женщин», где он отмечал, что это особенно характерно для бедных женщин, которые едят грубую пищу.

Хотя главная задача работы Шахар — представить тему старости в Средние века в максимальной полноте, в тексте отчетливо ощущается сочувствие к стареющим людям. В нем живо желание показать, что отношение к старикам не является чем-то естественно обусловленным, но представляет собой культурный конструкт, а значит, мы в состоянии осмысливать различные концепты старости, относиться к ним критично и менять их в лучшую сторону.

231

Отметим в заключение, что Суламифь Шахар проявляет не только академический интерес к положению женщин, детей и стариков, т. е. тех, кто зачастую оказываются на обочине социальной жизни. В возрасте 64 лет она покинула пост профессора Тель-Авивского университета, чтобы иметь больше времени для занятий социальной деятельностью в качестве председателя НКО, занимающейся защитой женщин, подвергающихся домашнему насилию.

Библиография

- Арнольд из Виллановы (1970) *Салернский кодекс здоровья*, М.: Медицина.
- Арьес Ф. (1992) *Человек перед лицом смерти*, М.: Прогресс-Академия.
- Арьес Ф. (1999) *Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке*, Екатеринбург: Изд-во Уральского университета.
- Земон Девис Н. (1999) *Дамы на обочине. Три женских портрета XVII века*, М.: Новое литературное обозрение.
- История женщин на Западе (2009) В 5 т. Т. 2. *Молчание Средних веков*. Под ред. Ж. Дюби и М. Перро, М.: Алетейя.
- Классен А. (2012) Филипп Арьес и его последователи. История детства, семейные отношения и эмоциональная жизнь. *Где мы находимся сегодня? Вся история наполнена детством: наследие Ф. Арьеса и новые подходы к истории детства*, М.: РГГУ: 164–234.

References

Arnoldus Villanovus. (1970) Salernskij kodeks zdrav'ya [Salerno health code]. M.: Medicina.

Aries E. (1992) Chelovek pered licom smerti [The man in the face of death]. M.: Progress-Akademiya.

Aries E. (1999) Rebenok i semejnaya zhizn' pri Starom poryadke [The child and family life under the old order]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta.

Zemon Devis N. (1999) Damy na obochine. Tri zhenskih portreta XVII veka [Ladies on the sidelines. Three female portraits of the XVII century]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie.

Istoriya zhenschin na Zapade [The history of women in the West]. (2009) v 5 tomah. Tom 2. Molchanie Srednih vekov [The Silence of the Middle Ages]/Pod redakciej Zh. Dyubi i M. Perro. M.: «Aletejya».

Klassen A. (2012) Filipp Ar'es i ego posledovateli. Istoriya detstva, semejnye otnosheniya i `emocional'naya zhizn'. Gde my nahodimsya segodnya? [Philip Ares and his followers. History of childhood, family relationships and emotional life. Where are we today?] // «Vsya istoriya napolnena detstvom»: nasledie F. Ar'esa i novye podhody k istorii detstva [«The whole story is full of childhood»: The Legacy of F. Aresa and new approaches to the history of childhood]. M.: RGGU: 164–234.